

ВЕЛИКАЯ МАТУШКА

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ

ВДОВА*

Перед губернаторским домом довольно не расходится народ. Прибывает и прибывает разный люд: чиновники, мастеровые, торговцы, студенты, гимназисты... Колышатся над толпой хоругви, плывут портреты Государя и Государыни, развеваются флаги Российской Державы. В едином порыве молятся, поют: «Боже, Царя храни...» Настроение приподнятое: маленькую Японию победим шутя — с нашей-то армией, со славными нашими солдатушками-ребятушками!..

Великий Князь Сергей Александрович, командующий войсками Москов-

ского военного округа, шеф 5-го гренадерского Киевского полка, член Государственного Совета, ясно представляя: Россия не выйдет из этой войны малой кровью. Бурный всплеск патриотизма первых дней угас. Наступили будни, тяжелые, трудные будни войны.

— Мы, москвичи, всеми силами должны помочь фронту. И стать примером для всей страны, — сказал Сергей Александрович. — Я говорю это не как генерал-губернатор, а как русский человек, как москвич...

— Сергей, дорогой, ведь я думаю об этом и днем и ночью! У меня есть замечательные энтузиасты. Мы хотели бы организовать серьезную помочь фронту. Ты одобряешь?

— Элла! Как губернатор, я готов предоставить в ваше распоряжение даже Кремлевский дворец, кроме, конечно, Тронного зала.

...С утра до вечера в залах Кремлевского дворца застучали швейные машинки: москвички шили все необходимое для солдат. Сюда, в Кремль, на склад Красного Креста, со всей России стекались пожертвования — деньги, продукты, вещи. А на фронт отправлялись посылки, каждый день, бесконечным потоком.

Великая Княгиня, в сером платье, маленькой шляпке, светлая и приветливая, ходила между рабочих столов. Хвалила, подбадривала добрым словом. Многих женщин знала не только

в лицо, но и по именам. Особенно нравилась ей Валентина Цветкова. Не исполнилось девчушке еще и шестнадцати, а уже пришла в мастерскую — помочь! Как-то, долго глядя на Валентину, сказала Елизавета Феодоровна: «Валентина, ты будешь моей». (Сбылись через много лет странно прозвучавшие тогда эти слова: Валентина Цветкова — матушка Варвара — стала игуменией Гефсиманской обители в Иерусалиме.)

Домой возвращалась поздно. Мария бросалась к ней:

— Тетя, вы совсем забыли нас! Дмитрий даже плакал...

Двенадцатилетний Дмитрий, после второго, морганатического, брака отца, жил вместе с дядей, Великим Князем Сергеем Александровичем, и Елизаветой Феодоровной. Они стали опекунами детей Павла Александровича.

— Родные мои, а у меня столько было сегодня интересных дел! Пришли к нам на склад ребята из приюта, принесли для раненых сахар. Сами не ели, берегли для солдатиков. Пришел мальчишка с лукошком. Спрашивало: «Что в лукошке?» — «Курица, — отвечает. — Очень крупные яйца несет. Возьмите курочку, пусть в лазарете самые больные солдаты яички поедят». И в узелочке дает корм для курочки, чтоб не голодала.

— И вы взяли?

— Конечно. Обещала несушку держать в целости и сохранности.

Сергей Александрович укоризненно поглядел на жену:

— Ты лучше себя держи в целости и сохранности. Одни глаза от тебя остались...

Она засмеялась:

— Сережа! И это ты мне говоришь! Сам-то совсем изработался... У меня новость, просто замечательная. На днях открываем наш санаторий для раненых. Я все продумала: там специальные кровати, кресла на колесах, новая мебель. А внизу у санаторных корпусов — Черное море! Вчера на Дальний Восток отправили новый санитарный поезд. Ждем теперь раненых. Слава Богу, госпиталь в полном порядке...

Елизавета Феодоровна говорила оживленно, даже весело. Она хотела снять напряжение, которое замечала в последнее время в глазах Сергея Александровича. Ему, человеку государственному, известно истинное положение и в стране, и на фронте...

Но нельзя терять надежду. Господь не оставляет Россию. Есть у русского народа и еще один молитвенник на небесах — недавно прославленный преподобный Серафим, Саровский чудотворец. Молилась Преподобному Государыня — и Господь даровал ей долгожданного сына.

...В первый день нового 1905 года

Сергей Александрович записал в дневнике: «Господи, благослови и пощи нас!»

Да, он знал, что приговорен террористами к смерти. Уже не раз получал анонимные письма с угрозами. Что ж, он был готов ко всему. Но страшно за жену: ей тоже приходили анонимки. «Доброжелатели» предупреждали, чтобы она не сопровождала супруга, если хочет оставаться в живых.

У Сергея Александровича не было сомнения: с терроризмом надо бороться. Решительно, беспощадно. Иначе в России разразится беда. На фронте ничего утешительного: русские терпят поражение одно за другим. Повсюду — не только в Первой столице, забастовки, беспорядки: революционеры распоясались. Необходимо действовать, принимать жесткие меры.

Правительство не поддержало Великого Князя. Свое мнение Сергей Александрович изложил Императору и четко определил: в сложившейся ситуации он добровольно отказывается от поста генерал-губернатора, не желая продолжать политическую деятельность. Великий Князь пожелал сохранить за собой только воинское звание. Государь принял отставку Великого Князя и назначил его главнокомандующим.

Семья покинула генерал-губернаторский дворец в Кремле, переехала в Нескучное.

Парк в Нескучном словно вымер: тишина, нетронутый снег, черные стволы лип... Под окнами дворца и перед входом маячат солдаты: охрана.

Елизавета Феодоровна снова получила анонимку. Угрожали, предупреждали. Она разорвала письмо в клочки. Сергей Александрович ездил по городу без адъютанта, без охраны. Решил: если бомбу метнут в него, то зачем проливать кровь невинных охранников? «Поэтому я должна всегда быть с мужем. Со мной его не посмеют убить. Я как его ангел-хранитель», — думала Елизавета Феодоровна.

Как-то пришлось возвращаться по сумрачной, затаенной Москве. Едва Сергей Александрович успел сесть в карету рядом с детьми и женой, в дверцу кто-то заглянул, отпрянул, метнулся в сторону.

— Очередной охотник, — усмехнулся Сергей Александрович. — Кучер Андрей Алексеевич хлестнул лошадей. Карета помчалась.

Ночью поднялась тревога. Дворец

в Нескучном — убежище ненадежное. По приказу мужа Елизавета Феодоровна разбудила детей. Быстро собрались. В экипаже с задернутыми шторами переехали под защиту кремлевских стен — в Малый Николаевский дворец. Думали: ненадолго, утихнут волнения — и возвратятся в свой дом.

4 февраля в два часа пятьдесят минут по полудни Сергей Александрович, как обычно, выехал из Николаевского дворца. И, как всегда в последнее время, — без адъютанта, без охраны. Мелкий снежок, серенький день, не успев разгореться, уже клонился к концу. До Никольских ворот оставалось саженей пятнадцать. И вдруг прогремел взрыв чудовищной силы. В здании Арсенала с треском вылетели окна. Рассеялся дым...

Великий Князь Константин Константинович записал в дневнике:

«Суббота. 5 февр/аля/

...Она мне рассказала, что накануне утром Сергей был весел и очень обрадовался, получив от Государя миниатюрный портрет покойного Государя Александра III, без бриллиантов, окруженный лавровым венком из золота. После завтрака она в комнатах услышала сильный шум, как когда валят снег с крыши, только громче, и ей пришло в голову, что случилась какая-то беда; мельнула и мысль, не с Сергеем ли несчастье. У нее утром была безответная тоска; она впервые отговаривала Сергея от поездки в Петербург, говоря о возможности покушения. Она увидела, что на площади бежит народ. Ей говорят, что Сергей только что отехал от подъезда в Кремль. Он сбился в генерал-губернаторский дом взять какие-то вещи. Ее карета тоже была подана. Элла поскорей надела шляпу и шубу, бросилась с фрейлиной в карету и поехала по направлению шума. На Сенатской площади, не доходя до Никольских ворот, уже толпился народ. Ее хотели не допустить, но она пробилась к месту, где лежали останки бедного Сергея — часть туловища с ногою, оторванная рука, обрывки тела, платья. Она припала к кисти его правой руки, сняла кольца. Лицо ее было в крови несчастного. Нашлись обрывки золотой цепочки и уцелевшие нательный крест и образки. Она шарила в снегу, где еще долго потом находили косточки, хрящи, части тела, платья, обломки кареты, от кузова которой ничего не осталось. Лоша-

ди, из которых одна ранена в ногу, добежали до ворот и сами остановились. Полагают, что убийца бросил бомбу в окно кареты, через которое она попала Сергею на колени. Элла сама распорядилась, чтобы принесли ею же заведенные для Красного Креста носилки, на которые сложили бренные останки и покрыли шинелью какого-то солдата. Все это делалось при ней. Она вела нести носилки в Чудов монастырь.

Ее спокойствие, кротость, покорность воле Божией и незлобивость поразительны и глубоко трогательны.

В Алексеевской церкви носилки поставили перед амвоном. Елизавета Феодоровна опустилась на колени рядом. Из-под солдатской шинели виднелся сапог Сергея Александровича. Капли крови, медленно просачиваясь, падали на пол. Расползлось темнобагровое пятно...

Кончилась первая панихида. Елизавета Феодоровна поднялась, с сухими глазами, напряженная, ушедшая в себя. Возле выхода к ней бросились Мария и Дмитрий. Она обняла плачущих детей.

— Он так вас любил, так любил! — повторяла и повторяла. Голубое ее платье было в пятнах крови, кровь запеклась на руках. Его кровь...

От Спасских ворот длинной вереницей уже тянулись москвичи. Простаивали в ожидании несколько часов — проститься с человеком, который так много доброго сделал для Москвы.

Вечером Николаевский дворец погрузился в темноту. Лишних огней не зажигали. Бесшумно двигались слуги. В столовой накрыли стол. Дети, Мария и Дмитрий, беспроконечно смотрели на дверь. Ждали Елизавету Феодоровну. Она пришла поздно, после второй панихиды. Появилась как тень. В черном траурном платье. Мария едва сдержала рыдание. Елизавета Феодоровна села за стол.

— Ешьте, дорогие мои. Надо жить... Она не притронулась к еде.

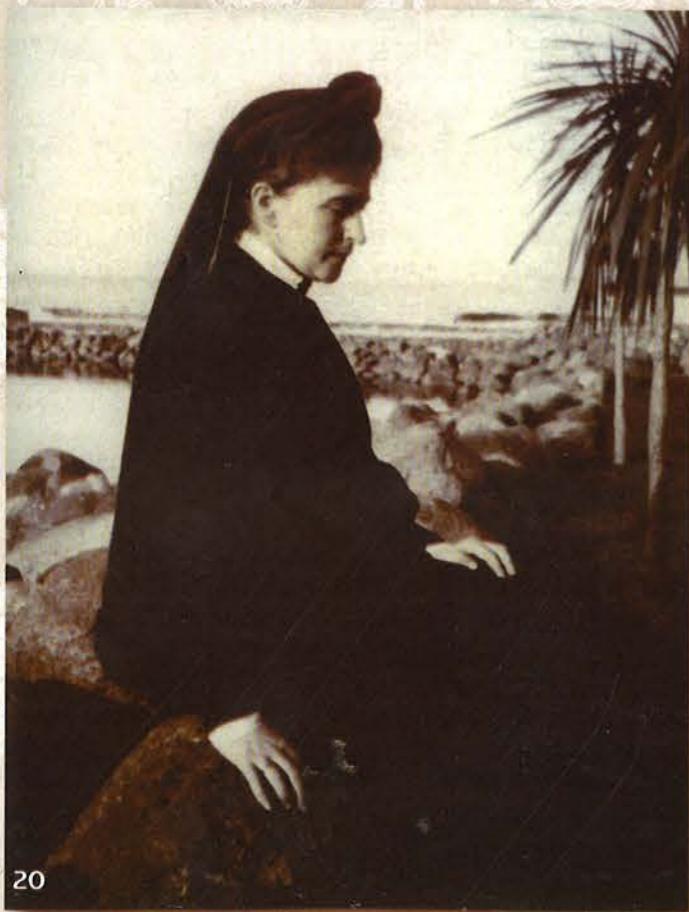
— Теперь спать, дети мои. Вы так устали...

— А вы, тетя? — Мария припала к ней. — Я боюсь... боюсь за вас, — она плакала. — Не уходите от меня...

Елизавета Феодоровна погладила худенькие плечи.

— Полно, Мари. Пойдем к тебе. Будем ночевать вместе... — В спальной Марии, в полуумраке — только негасимые лампадки в киоте, — сели на широкий диван. Прижались друг к другу.

Тихо, точно и не для Марии, а для

самой себя, Елизавета Феодоровна сказала:

— Давным-давно когда-то у меня разился маленький брат. Упал из окна. На глазах у мамы. Я подняла его тельце. Он был такой легкий, как птичка... И весь в крови. И я была вся в его крови... Как сегодня...

И вдруг зарыдала. Точно разжалась какая-то внутренняя стяжка, что не давала волю слезам. И вот теперь они хлынули, сотрясая все ее существо...

— Тетя, любимая моя, добрая моя тетя Элла... — Мария говорила торопливо, целовала худые тетини пальцы.

— Дядя так любил вас... Я плачу... Прости, Мари.

Утром, тихо и спокойно, она диктовала секретарю ответы на письма и телеграммы. Сколько пришло их в Кремль за эти долгие часы! Четко, без нервной дрожки, звучал ее голос:

— В Кремлевский склад.

В тяжком испытании, ниспосланном мне Господом, истинным утешением служит мне то теплое, искреннее сочувствие, которое встречаю вокруг себя. Ваши сердечные слова, ваше участие проникли мне в душу. Благодарю вас, мои дорогие сотрудники и сотрудницы. В молитвах черпаю силы со смирением переносить мою великую скорбь, а в совместной с вами дальнейшей работе на пользу страждущих да поможет мне Господь находить утешение.

Елизавета.

В Петербург Государю продиктовала телеграмму: ни в коем случае не приезжать в Москву на похороны. В городе неспокойно, приезд Царя с Царицей может привести к новым кровопролитиям.

...Народ все шел и шел — от Спасских ворот к Чудову монастырю, где в Алексеевской церкви стоял гроб с останками Великого Князя. Вне очереди пропускались войсковые части, гимназисты. Прибывали бесчисленные депутатии от разных учреждений и обществ...

Батюшка Иоанн Кронштадтский прислал Царскому Дому телеграмму: «Скорбь Ваша неописуема. Скорбь Спасителя в Гефсиманском саду за грехи мира была безмерна, присоедините Вашу скорбь к Его скорби: в ней найдете утешение».

На коленях стояла Елизавета Феодоровна у дорогого праха. Тело Великого Князя закрыто серебряным парчовым покровом. Видна грудь — в мунди-

ре Киевского полка с золотыми эполетами и аксельбантом, на месте головы — вата, обернутая прозрачным покрывалом... Страшно смотреть, страшно представить, что там, под этим покрывалом...

Сквозь биение крови в висках слышит Елизавета Феодоровна скорбную речь протоиерея Иоанна Восторгова:

— ...Русские люди! Одумаемся! Суд при дверях. Господь близ. Жертвы кровавые перед нами... восплачем о растерзанном сердце Царя, о несчастной терзаемой России, восплачем и о себе самих!..

Великая Княгиня поднялась с колен. Да, она поняла, что нужно сделать. Сейчас, пока еще не погребено тело мужа. Чтобы легче было его душе.

...Самая мрачная башня Бутырской тюрьмы названа Пугачевской. Резко проскружетал в замке ключ. Надзиратель предупредительно распахнул дверь. Великая Княгиня переступила порог камеры.

Вот он, убийца ее мужа. Худое лицо, прозрачные глаза, рыжеватая бородка. Он не поднялся навстречу. Ваши сердечные слова, ваше участие проникли мне в душу. Благодарю вас, мои дорогие сотрудники и сотрудницы.

В молитвах черпаю силы со смирением переносить мою великую скорбь, а в совместной с вами дальнейшей работе на пользу страждущих да поможет мне Господь находить утешение.

— Кто вы?

— Я вдова... Вдова человека, которого вы убили. Почему вы его убили?

— О, это долгий разговор. — Он уже оправился от изумления. — Вы, Великая Княгиня, в камере человека, который скоро будет повешен... Я — убийца! Вы не боитесь меня?

Он встал, резко отодвинул табурет.

— Вы уже убили меня... вместе с моим мужем... — тихо проговорила она.

Он вдруг обмяк, точно стержень, державший его тощую фигуру, сломался. Сразу стало заметно, как он молод, воспален, как лихорадит его.

— Я не хотел вас убивать... — Резко, словно укоряя себя за минутную слабость, почти выкрикнул: — Однажды у меня наготове была бомба. Но вы были с ним! И я не тронул его!..

— Вы верующий?

Преступник усмехнулся:

— Считайте, что так.

Он выпрямился. Прошелся по камере. Пододвинул Елизавете Феодоровне табурет.

— Садитесь, Ваше Сиятельство, — извивательно усмехнулся. Он уже овладел собой.

Елизавета Феодоровна присела, вынула из сумочки Евангелие и маленькую иконку.

Преступник мельком взглянул на книгу.

— Можете спрятать. Я знаю Евангелие не хуже вас. Россию надо спасать не супом для бедных и не приютами для сироток. Их от этого не убавится. Россию надо очистить от паразитов. Я сознательно стал на путь террора...

Он говорил, распаляясь от своих слов:

— На суде я потребую публичной казни! Чтобы тысячи пробудились от спячки и поднялись на борьбу с самодержавием!..

— Покайтесь, вам будет легче...

— Мне не в чем каяться! Я — боец революции и выполнил свой долг.

— Если вы покаетесь, я попрошу Государя помиловать вас и буду молить Господа, чтобы Он простил вас... А я уже вас простила...

— Сударыня, я честно выполнил свой долг! — Он оборвал себя: — Прощайте!

Елизавета Феодоровна поднялась. «Бедный больной молодой человек. Как он несчастен». Но вслух сказала:

— Прощайте. Я буду молиться за вас.

Она вышла, оставив на столе Евангелие и иконку Иверской Божией Матери. Начальник тюрьмы с тревогой ожидал ее: свидание длилось около двух часов.

Вечером Елизавета Феодоровна узнала: Иван Каляев положил иконку рядом с собой на подушку.

Еще не погребли Великого Князя, а Елизавета Феодоровна сняла траурное черное платье, надела светлое, голубое, — в таком она была в тот трагический день. Мария в ужасе смотрела на нее:

— Тетя Элла, что с вами?

— Не удивляйся, Мари. Умирает раненный Андрей Алексеевич. Он надеется, что Князь жив. Пусть эта надежда так и останется с ним. Не хочу своим трауром тревожить его. Я поеду в Яузскую больницу, прощусь с ним.

Двадцать пять лет служил Великому Князю его верный кучер Андрей Алексеевич Рудинкин. Любил, ценил Сергея Александровича за дружеское расположение, да и Сергей Александрович привязался к Андрею Алексеевичу, крестьянину из подмосковной деревни Сумароково.

Раненый узнал Великую Княгиню. Как светлый ангел стояла она у его постели. И говорила ласково:

— Милый Андрей Алексеевич, он жив, жив наш Сергей Александрович. Он направил меня к вам... И ждет вас...

А через день, после литургии и панихиды в церкви Яузской больницы, три версты пешком до Павелецкого вокзала, вместе со вдовой верного Андрея Алексеевича, провожала его гроб.

10 февраля Москва хоронила Великого Князя.

В своем горе Елизавета Феодоровна утешалась, что прах почившего Великого Князя находится в обители святителя Алексия, память которого он чтил, и в стенах Москвы, которую он глубоко любил, и в святом Кремле, в котором он мученически погиб...

На месте гибели Сергея Александровича 5-й гренадерский полк поставил временный белый деревянный крест. К подножию креста люди начали класть деньги...

Когда-то на этом балконе в Ильинском, в ясный день начинающегося лета, замерла она, окрыленная открывшимся простором и — своим счастьем. Как милостив был к ней Господь долгие годы! Но почему — бы л? Разве сейчас Елизавета Феодоровна не чувствует Его милосердную руку?

Она смотрит на серый парк, на снежный, еще не осевший под мартовским солнцем покров — до самого горизонта. Точно под саваном уснуло милое Ильинское...

Елизавета Феодоровна обошла все тридцать пять комнат дома. Прекрасные, светлые, просторные, полные воздуха. Здесь будет госпиталь для раненых солдат. И в Усове тоже...

Сергей Александрович одобрил бы ее.

Государь предоставил Елизавете Феодоровне право жить в губернаторском доме в Кремле. По ее просьбе была вынесена роскошная мебель. Стены покрасили в белый цвет — любимый Елизаветы Феодоровны. В углу спальной она поставила большой деревянный крест, в нем — частицы мундира Сергея Александровича, в котором он принял смерть. И рядом — иконы, мерцание негасимых лампад. Запах воска и ладана. Как в келье.

Недалеко от Кремля, в арендованном здании, Елизавета Феодоровна устроила госпиталь. Она чувствовала: здесь ее любили. Не потому, что она щедро давала деньги на аренду помещения, на лекарства, оборудование, питание, на оплату врачей. Просто — любили и ждали, как когда-то ее мать, принцессу Алису, в больнице на Маузертрасе. И как мать, она склонялась над кроватями раненых, и откуда-то брались слова — утешающие, ласковые... Улыбались измученные лица. Она нужна была этим искалеченным людям. И ощущала — остро и радостно: они, эти русские солдатики и офицеры, помогают ей. Помогают вернуть уверенность в себе, помогают понять, услышать Божию волю — как ей дальше жить.

К осени 1905 года революция всколыхнула всю страну. Почта, телефон, телеграф не действовали. В Москве не хватало провизии, питьевой воды.

Брат Эрнест тревожился за сестру. Звал Елизавету Феодоровну в

Германию, чтобы хоть на время покинуть Россию, превратившуюся в похоронную бочку. Нет, твердо отвечала Великая Княгиня, она вросла в эту страну душою и сердцем. Она готова отправить от опасностей детей. Но сама останется жить и умереть на этой земле, где покоятся ее Сергей, которого Господь забрал к Себе в это ужасное время.

Ее каждый день путь — в госпитали, в больницы, приюты. В храм и на могилу мужа.

Колючими искрами сверкали бриллиантовые колье, диадемы, кольца, серьги... Таинственно мерцал жемчуг. Этую брошь подарила Елизавете Феодоровне бабушка, английская королева Виктория. В этом жемчужном ожерелье ехала счастливая Элла в Россию, к своему жениху... У Елизаветы Феодоровны набралась целая коллекция драгоценностей — память о любимых, родных, незабвенных — отце, матери, бабушке, Государе Александре III, Сергею... Ушли они в мир иной. Но разве память только в этих сверкающих вещицах?

Она разложила украшения на три части. Одну часть — подарки от Императорской Семьи — она отдаст казне. Другую — подарит родственникам. А самую большую — на постройку Обители молитвы, труда и милосердия.

Елизавета Феодоровна помедлила и сняла обручальное кольцо с левой руки. Положила в самую большую часть.

Да, Сергей бы одобрил ее.

(Продолжение следует.)

Памятный крест на месте гибели Великого Князя Сергея Александровича у Кремлевской стены